

Что для робота можно назвать самоубийством?

Сян Наньли читал хроники Альянса. Был период, когда машины с пугающей регулярностью взрывали себя, сея панику среди людей.

Еще мгновение назад сервисный андроид приветливо улыбался вам, а в следующее — разносил в щепки все вокруг, забирая вас с собой на тот свет.

Обычные роботы лишены жизни, они лишь слепо следуют заложенным алгоритмам. Однако мыслящие машины прекрасно понимали: смерть — это самое суровое наказание для человека.

До какой же степени отчаяния нужно дойти разумной машине, чтобы решиться на самоликвидацию?

Восточный Зелёный Император подошел ближе и опустил на корточки. Он на мгновение положил ладонь на макушку Евангелия 1.2.6, оценивая состояние системы, и тихо произнес:

— Он удалил модуль очеловечивания и полностью стер фоновые данные.

Этот робот все еще был пригоден к эксплуатации.

Однако, согласно негласному соглашению между людьми и мыслящими машинами, даже если у него снова разовьется модуль симуляции личности, это будет уже совсем другой андроид. С прежним 1.2.6 у него не останется ничего общего.

Уничтожена сама суть — уникальная душа, сотканная из памяти и чувств.

Сяофу всхлипнул, издав тихий металлический звук:

— Он передал все данные мне. Я говорил с ним, просил остаться. Но он ответил, что очень устал. И просил меня работать хорошенько.

— Хорошо, хорошо. Наш Сяофу обязательно будет трудиться не покладая рук, верно?

Сян Наньли низко опустил голову, прижавшись подбородком к холодному корпусу Сяофу.

Затем его взгляд переместился на безжизненную оболочку Евангелия 1.2.6. Послышался тяжелый, надрывный вздох.

Сян Наньли даже не помышлял о том, чтобы восстановить его, отстроив заново на руинах прежнего разума. Это было данью уважения к свободному выбору искусственного интеллекта.

Восточный Зелёный Император молча наблюдал за тем, как Сяофу извивается в объятиях Сян Наньли, словно гибкий металлический жгут, и в его груди шевельнулась едва заметная ревность.

Мог ли он позволить себе подобное? Нет.

Сян Наньли сразу заподозрил бы системный сбой и тут же скачал бы из сети какого-нибудь Чистильщика для принудительной оптимизации.

Выплакавшись, Сяофу наконец взял себя в руки.

Он вместе с Сян Наньли принялся проверять запасы семян на складе, попутно настраивая связь через вышку, чтобы набрать номер Бэйчэня, который все еще возился со своими экспериментами на втором этаже телецентра.

С появлением электричества наладилась и связь. Вот только найти полноценное беспроводное оборудование на свалке было задачей из разряда фантастики.

Сян Наньли пришлось прибегнуть к самому примитивному методу импульсной передачи тока. Учитывая, что даже микросхемы для передатчика он паял вручную, это достижение граничило с чудом — все равно что приготовить из пресного тофу изысканный мясной деликатес.

Пока радиус действия оставался скромным, но для внутренней связи в пределах базы этого вполне хватало.

Полноценную лабораторию обустроить еще не успели, поэтому Бэйчэнь временно занял тесную каморку без окон.

Условия в этом импровизированном кабинете были спартанскими. Освещение и влажность воздуха Бэйчэнь определял буквально на глаз и на ощупь. Лишь после того, как провели электричество, появилась возможность поддерживать нужную температуру для подопытных образцов.

Да и профессиональной посуды у него не водилось.

Вместо чашек Петри он использовал обычный граненый стакан, перевернув его вверх дном, чтобы гифальным нитям было за что зацепиться.

Под стеклом буйно разрастался ярко-красный организм, напоминающий миниатюрное коралловое дерево.

Бэйчэнь набрал в пластиковую пипетку свежавыжатый питательный раствор и аккуратно

капнул на самое основание мицелия.

Грибок жадно впитал влагу. Одна из его тонких нитей потянулась вверх и обвила металлический палец исследователя.

Эта алая ниточка, не толще паутины, была усыпана крошечными каплевидными спорами. Они обладали слабой токсичностью и невероятной способностью к паразитированию.

Однако тело Бэйчэня целиком состояло из сплавов. Все попытки микроорганизма внедриться в металл закончились крахом и колоссальными потерями для его колонии.

Бэйчэнь легким щелчком смахнул назойливый усик и задумался.

«Разросся сверх меры. Не пора ли проредить эту поросль? Надо будет на днях синтезировать немного серной кислоты для тестов».

Естественная температура окружающей среды была губительна для этого штамма, но он демонстрировал поразительную живучесть.

Если недосмотреть — жди беды.

Представив, как эти споры заражают диких белок, оленей или медведей, превращая их в послушных марионеток, Бэйчэнь невольно расплылся в довольной улыбке:

— Новые биологические мутанты... Интересно, кто окажется сильнее: они или те твари, которых я вывел раньше?

Что ж, он и сам не помнил, что те прежние виды тоже были делом его собственных рук.

В коридоре за дверью зазвонил аппарат.

Бэйчэнь вернул стакан на место, тщательно вымыл и продезинфицировал руки, после чего снял защитный костюм. Выйдя из каморки, он снял трубку.

— Плесневелые семена и замороженные туши животных?

У него не было легких, но симуляция дыхания заметно участилась. В его имплантированном мозге заплясали искры чистого научного азарта.

— Отлично. Уже бегу.

Тем временем в лаборатории филиала корпорации «Биология древних богов» в городе Гусу

творился настоящий хаос.

— Господин главный научный сотрудник, Чёрный нитчатый грибок в чашке Петри снова погиб!
— в слезах доложил младший лаборант.

Его начальник, носивший звание ведущего ученого, буквально взорвался от ярости:

— Бездырь! Ты хоть представляешь, сколько трудов нам стоило выделить активные клетки из тканей грибного человека?! Этот штамм погибает мгновенно, стоит ему отделиться от материнского организма! А сам материнский организм обладает чудовищной контагиозностью. За каждую жизнеспособную спору, добытую для экспериментов, мы платим человеческими жизнями — смертность среди персонала составляет семьдесят пять процентов! Ты просто разбрасываешься жизнями наших людей!

Дверь распахнулась, и на пороге показался запыхавшийся секретарь:

— Господин ведущий ученый, прибыли чиновники из мэрии Гусу! Требуют отчет о ходе исследований!

Следом вбежал другой сотрудник:

— Шеф! Запертые в изоляторе грибные люди начали совместную эволюцию! У них развились совершенно необъяснимые свойства, срочно взгляните!

И тут же раздался голос третьего:

— Профессор! «Технологии бессмертия» наотрез отказались делиться результатами тестов, пока мы не передадим им полпроцента акций нашей корпорации!

Голоса подчиненных сливались в единый тревожный гул, давя на виски ведущего ученого «Биологии древних богов».

В этот момент он невольно вспомнил напутствие своего наставника, полученное много лет назад при поступлении на службу:

— Какое качество для ученого является самым важным?

Тогда он, сорокалетний выпускник Университета Восточного тумана, робко предположил:

— Профессиональные навыки?

— Нет, крепкое здоровье, — с мягкой улыбкой ответил наставник. — Наши знания — лишь инструмент в руках власть имущих. Они не испытывают трепета перед истиной. Им нужно лишь одно: чтобы твои открытия помогали возводить монопольные барьеры, укрепляя стены их финансовых империй.

— Единственный критерий ценности любого навыка — его коммерческая выгода. А выгода диктуется спросом. Крупные корпорации годами держат под сукном бесчисленные патенты. Наш научный потенциал уступает военным технологиям прошлых веков? Вряд ли. Но какая польза сильным мира сего от бесконечного прогресса?

В завершение той беседы наставник похлопал его по плечу и добавил:

— Все эти звания и регалии — пыль. Только твое собственное тело принадлежит тебе до конца. И когда ты окажешься прижат к стене, именно оно станет твоим последним шансом на спасение.

Тот наставник теперь занимал вершину научного олимпа Альянса. Он сумел конвертировать свои разработки в капитал и владел целым процентом акций «Технологий бессмертия» — недостижимый идеал для миллионов коллег по цеху. Его звали Листер.

Сейчас ведущему ученому исполнилось сто сорок восемь лет. В молодости эти слова казались ему туманной философией, но сегодня его будто осенило.

— Каков уровень заражения в городской черте Гусу? — сиплым голосом спросил он.

— Тридцать восемь процентов! — ответил лаборант.

«Учитель... Наконец-то я понял. Здоровье — действительно наше главное оружие».

Глаза ученого закатились, и он с глухим стуком рухнул навзничь на кафельный пол.

— Доктору плохо! Шеф потерял сознание! — истошно завопили ассистенты.

На следующий день информационные ленты запестрели заголовками:

****[Ведущий вирусолог Биологии древних богов, ученый 7-го ранга, госпитализирован с тяжелым переутомлением. Руководитель группы заявляет о выходе из проекта по борьбе с грибковой инфекцией. Корпорация готовит замену]****

****[В Гусу объявлен пятый уровень тревоги. Врио мэра Ло Сю утверждает, что ситуация находится под полным контролем властей]****

****[Ряд подземных городов временно приостановил въезд для граждан с регистрацией в Гусу]****

*****Город Лоян*****

Под величественные аккорды классической симфонии Листер неторопливо жевал свой любимый черный хлеб. Изготовленный из грубых отрубей, он имел резкий, кисловатый вкус, но для Листера, выросшего в ужасающей нищете, эта еда навсегда осталась лучшим лакомством родом из детства.

Сделав глоток горького кофе, он поправил дужку высокотехнологичного моногля-интерфейса и поднялся по лестнице в кабинет. Сев за рабочий стол, ученый принялся за разбор утренней корреспонденции.

Встроенный искусственный интеллект уже отсортировал почту, пометив как наиболее приоритетное письмо от его бывшего подчиненного.

Листер далеко не сразу вспомнил отправителя. Поразмыслив, он восстановил в памяти образ амбициозного стажера, который ныне трудился в «Биологии древних богов». Тот успел дослужиться до звания ученого седьмого класса с годовым окладом в четырнадцать миллионов и ежегодным бонусом в виде сотой доли процента от акций компании.

Бегло ознакомившись с содержанием, Листер понял, что перед ним — крик о помощи.

Бывший подопечный подробно описывал патоген, классифицированный как Чёрный нитчатый грибок, и делился пугающими выводами о его потенциальной опасности.

В современных лабораториях ежегодно синтезировались сотни смертоносных штаммов. Однако главная угроза этого грибка крылась в его коварстве: снизив собственную летальность, он перешел к скрытому, молниеносному распространению среди населения.

Ученый сетовал, что из-за бешеной скорости мутации и колоссальных трудностей с получением чистой культуры исследования продвигаются крайне медленно. Между тем в Гусу число пациентов с подтвержденным положительным статусом заражения уже перевалило за тридцать миллионов, и эта кривая неумолимо ползла вверх.

Если начнется массовый выброс зрелых спор, это может обернуться гибелью всего мегаполиса.

В конце письма бывший коллега умолял: «Изучив архивные патенты, я выяснил, что около трехсот пятидесяти лет назад исследовательский центр „Технологий бессмертия“ работал над схожим биологическим агентом. Нам жизненно необходимы те первичные данные. Наш официальный запрос отклонили: руководство вашей корпорации требует взамен полпроцента пакета акций „Биологии древних богов“. Совет директоров никогда на это не пойдет».

Отправитель надеялся, что Листер, занимающий весомый пост в «Технологиях бессмертия», сможет использовать свое влияние и пойти навстречу ради спасения миллионов жизней.

Листер безучастно смотрел на светящийся экран, медленно прихлебывая остывающий кофе.

После долгого раздумья он открыл список контактов и нажал на верхнюю, закрепленную строчку.

Лохуа — действующий глава и серый кардинал «Технологий бессмертия».

Официальные базы данных умалчивали о том, что у Лохуа был единокровный брат, чей сын, Ло Сю, сейчас заправлял делами на передовой.

Листер переслал письмо адресату без каких-либо комментариев.

Ответ пришел спустя пару минут — Лохуа прислал одноразовый цифровой ключ доступа.

Опасаясь покушений, этот человек никогда не ночевал в одном месте дважды, постоянно меняя конспиративные квартиры и резиденции.

Для Листера Лохуа оставался вздорным, глубоко невротичным параноиком — человеком, наделенным безграничной властью, но лишенным элементарного благородства.

Листер устало потер переносицу.

Приняв душ и переодевшись в свежий костюм, он сел за руль и направился по указанным координатам.

Это оказался роскошный пентхаус в одном из самых элитных кварталов города.

Пройдя три контура аутентификации и личного досмотра, Листер переступил порог просторного зала. Хозяин дома сидел в глубоком кресле, лениво крутя в руках кубик Рубика.

Уровень киборгизации верховного лидера «Технологий бессмертия» поражал — восемьдесят семь процентов его тела составляли аугментации и протезы.

В его семье разве что Ло Сю мог похвастаться близким показателем, да и то вряд ли.

Впрочем, столь радикальное замещение плоти железом не прошло бесследно: Лохуа постоянно страдал от мелких мышечных спазмов и судорог, из-за чего со стороны напоминал больного эпилепсией.

Однако порой он преображался до неузнаваемости, демонстрируя изысканные манеры, пугающую зрелость суждений и некую таинственную харизму.

Листер тщетно пытался разгадать эту загадку, подозревая у своего покровителя тяжелую

форму диссоциативного расстройства личности.

Но сегодня перед ним предстал именно безумец.

Завидев Листера, Лохуа отбросил игрушку, и в его глазах вспыхнул хищный, лихорадочный блеск.

Близость с ним не доставляла удовольствия. Будучи почти машиной, Лохуа давно исключил из своего функционала биологическую суть близости, стремясь лишь к доминированию. Его механические узлы не знали усталости, превращая процесс в изнурительную пытку.

К счастью, они виделись нечасто. Подобные приступы случались редко и длились не больше суток, так что Листер находил в себе силы терпеть.

После всего тело Листера мелко дрожало от усталости, внизу живота разлилась тянущая боль.

Он лежал на ковре, пока Лохуа, наконец погрузившись в апатичное спокойствие, отстранился.

Лохуа присел на край постели и чиркнул спичкой, прикуривая крепкую сигарету.

— Он слишком сильно влияет на меня, — пробормотал Лохуа в пустоту, не заботясь о том, слушают его или нет. — Каждый раз после его ухода у меня раскалывается голова.

Поначалу Листер не понимал значения этих фраз, но со временем сообразил: под загадочным «ним» Лохуа подразумевал свою вторую сущность, которая периодически брала контроль над телом.

В медицинских справочниках по психиатрии утверждалось, что доминантное эго обычно не помнит действий альтер-персоны, однако Лохуа прекрасно осознавал существование своего невидимого сожителя и четко разделял их мысли.

Всякий раз, заговаривая о «нем», Лохуа испытывал неподдельный ужас, который порой доводил его до истерики и слез.

Затянувшись, Лохуа глухо произнес:

— А ведь изначально ты приглянулся именно ему, а не мне. Ты до безумия похож на кого-то из его прошлого.

Листер приподнялся на локтях, вытащил из лежащей на тумбочке пачки сигарету и тоже прикурил.

— Я знаю. Однажды, когда ты спал, он проявил себя. И назвал меня «учителем».

На бледной спине Листера багровели глубокие следы зубов.

Его губы тронула горькая усмешка.

Листер никогда не возражал против роли суррогата или живой игрушки. Его озадачивало другое: если первая личность Лохуа набрасывалась на него с неистовой страстью, то вторая лишь смотрела сквозь него затуманенным взором, витая в своих недостижимых чертогах.

К тому же Листер отчетливо чувствовал, что сам Лохуа привязан к нему гораздо сильнее, чем его таинственный двойник.

Насколько знал Листер, наставниками Лохуа в детстве были исключительно убежденные седины старцы и строгие пожилые дамы.

«Неужели у него тяга к геронтофилии?»

Этот вопрос он, разумеется, оставил при себе.

— Вот как? — Листер выпустил тонкую струйку серого дыма, стараясь придать голосу максимально будничным тон. — Если дело лишь в портретном сходстве, почему бы просто не создать идеального клона? И раз уж мы заговорили о науке... Что происходит с исследованиями грибных людей? Альянс решил окончательно списать Гусу со счетов? Или эти данные настолько засекречены, что их нельзя передавать даже ведущим специалистам из «Биологии древних богов»?

Вдруг сидевший рядом Лохуа судорожно схватил себя за горло.

Его тело затряслось в мощном спазме. Глаза закатились, обнажая белки, на висках вздулись синеватые вены, а многочисленные световые индикаторы на хромированных частях тела безумно замигали. Из его груди вырвался хриплый, полный нечеловеческой муки стон.

Листер впервые видел подобный приступ у своего покровителя. Сбросив пепел, он потянулся к панели вызова скорой помощи, но Лохуа мертвой хваткой вцепился в его запястье, заставив отпустить кнопку.

— Бес... бесполезно... — тяжело выдохнул он, покрываясь крупными каплями пота. — Он идет... Это то, чего... все они так долго ждали... Я даже не могу покончить с собой... Мы...

По щекам Лохуа покатились слезы, пальцы сжали руку Листера до синяков:

— Листер... давай сбежим. Сбежим отсюда.

Листер обнял его содрогающееся тело и, мягко поглаживая по спине, негромко произнес, утихомиривая как ребенка:

— Хорошо, хорошо. Мы обязательно уедем.

Постепенно судорожные вздохи Лохуа сменились ровным, размеренным дыханием.

Спустя несколько мгновений его веки дрогнули, и он вновь открыл глаза. Но взгляд его был уже совершенно иным.

Тот, кто теперь контролировал это тело, медленно отстранился от Листера и сел на постели.

Он достал новую сигарету и сделал глубокую затяжку.

Для чистого электронного разума это удовольствие навсегда осталось бы непостижимой абстракцией.

Листер мгновенно перестроился, послушно опустив голову и приняв позу покорного слуги.

— Как ты думаешь, для чего «Технологии бессмертия» когда-то начали эти эксперименты с грибком? Чтобы эффективнее устранять политических оппонентов? Какими бы ни были разногласия, мы все остаемся людьми, а я не люблю играть с огнем, который может поглотить и меня самого. — Лохуа выпустил плотное облако дыма. — Знаешь ли ты, что Чёрный нитчатый грибок развивается в разы быстрее в условиях повышенного радиационного фона? Там он вовсе не такой капризный, как в стерильных боксах.

— Его создавали как универсальный очиститель. Мы планировали использовать методы биоинженерии для дезактивации земной поверхности. Согласно расчетам, этот организм за четыреста лет должен был полностью поглотить радиацию, открыв человечеству путь наверх.

— Но проект пришлось свернуть. Мы обнаружили, что грибок предпочитает использовать в качестве хозяев людей. Без достаточного количества носителей скорость очистки падала до нуля.

Листер быстро сопоставил факты и озвучил единственно верный вывод:

— Значит, вы намеренно блокируете разработку вакцины?

— Три века назад численность выживших в подземных убежищах едва достигала ста миллионов. Сегодня нас больше двух миллиардов. Популяция разрослась до нужных масштабов, и теперь мы наконец можем перейти к следующей фазе эксперимента, — тонкие губы Лохуа изогнулись в холодной, безжалостной усмешке. — К тому же сыворотка была получена еще в те годы. Зачем нам отдавать даром то, что может стать абсолютной монополией нашей корпорации?

По спине Листера пробежал ледяной озноб.

— На самом деле между вами мало общего. Ты лишь внешнее воплощение того образа учителя, который я храню в памяти — холодного, недостижимого, заставляющего меня страдать. — Лохуа бесцеремонно взял Листеру за подбородок, поворачивая его лицо из стороны в сторону. — Ваши черты лица различаются. Изначально сходство крылось вовсе не в этом... а здесь.

Он слегка постучал пальцем по своему лбу.

— Теперь понятно, почему ты постоянно отправлял меня к пластическим хирургам, — тихо отозвался Листер. — Должно быть, твой учитель необычайно красив.

Лицо Лохуа вдруг осветилось искренней, почти детской улыбкой:

— Я нашел его. Нашел своего учителя.

Этот миг разительно отличался от его привычной мрачной манеры — в улыбке сквозило чистое, ничем не омраченное счастье.

Листер удивленно приподнял бровь:

— Выходит, во мне больше нет нужды?

Лохуа разжал пальцы и отпустил его подбородок:

— Листер, помни: как бы ни рушился мир вокруг, ковчег «Технологий бессмертия» всегда останется на плаву вместе с остатками цивилизации.

Помолчав, он добавил безжизненным тоном:

— Верни себе свое прежнее лицо. Я не хочу, чтобы учитель истолковал все неверно. Убивать тебя я тоже не планирую. В ближайшее время тебе сотрут все воспоминания, связанные со мной. Возвращайся к научной работе, ты прекрасный специалист.

— Как пожелаете, — покорно согласился Листер. — Но раз уж мне суждено все забыть, позвольте один нескромный вопрос... Фамилия вашего учителя — Сян?

Лохуа молча взгляделся в его изумрудно-зеленые глаза, а затем медленно потушил окурок о покрытое синяками и ссадинами бедро мужчины.

На его губах заиграла загадочная улыбка:

— Листер... Вы и впрямь невероятно похожи.